

Алексей Понтус

Пересекая параллели

Алексей Понтус

Пересекая параллели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18663810

ISBN 9785447463311

Аннотация

История про серийного убийцу со стремлением к возвышению и детектива с тенденцией к разрушению. Всё могло бы и дальше идти своим чередом, если бы в их неявную связь не вмешались внешние обстоятельства. Во имя чего же этот конфликт на самом деле? Закона? Любви к женщине? А может, непризнанного искусства?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	45
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Пересекая параллели

Алексей Понтус

© Алексей Понтус, 2016

© Алёна Ходор, дизайн обложки, 2016

Редактор Ксения Герман

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Замечательное утро. Прекрасное. Хоть сегодня я и не спал, я чувствовал себя невероятно бодро и воодушевленно. Примерно через час я должен выйти на ненавистную работу, но даже это меня ничуть не волновало. Я провёл потрясающую, долгожданную ночь, которую могу назвать одной из лучших ночей в жизни, и которая будет вдохновлять меня ещё не один месяц.

Я был в таком хорошем расположении духа, что даже не поленился приготовить себе изумительный завтрак. В своей кулинарной книге, которую хочется открывать пару раз в год, мне приглянулся ти-бон стейк в ароматном маринаде из кинзы и чеснока. Волей случая всё необходимое оказалось под рукой, кроме отвратного чёрного перца, но мясо итак получилось наивкуснейшим. Под гарнир лучшим образом подошёл рис, и, разобравшись с большим удовольствием с едой, я начал собираться на работу.

Собираться, наверное, сильно сказано, так как я уже был практически одет, кроме верхней одежды, потому после посещения ванны и туалета я только накинул куртку и зашнуровал ботинки, а, спустя пару минут, уже находился на улице.

Сегодня мне захотелось поехать на общественном транспорте. Откровенно говоря, у меня и выбора-то не было, так

как вчера я вынужден был оставить машину возле работы. Но и без этого я отказался бы от неё. В подобные дни это являлось чем-то вроде ритуала. Я находился в слишком приподнятом настроении, и мне почему-то хотелось посмотреть на мрачные толпы людей, спешащих на работу, и, возможно, даже поделиться с ними своей радостью. Однако создавалось ощущение, что мои весёлые глаза, жизнерадостное лицо и приветливость скорее всех раздражали, но мне было настолько на это плевать, что на моё настроение это никак не влияло. Доехав до своей станции и улыбаясь всем вокруг, я вышел на аллею и направился напрямиком к офису, не обращая внимания на притупленные, с некоторой долей усталости и гнева, глаза.

Работал я экономистом в крупной адвокатской конторе «Твой шанс». Явно не мой. Заканчивая престижный юридический факультет, я не думал, что последующие десять лет буду заменять калькулятор. Мой босс, Виктор Горн, с которым я вместе окончил наш университет, благодаря смерти папочки получил сразу высшую должность в «Шансе» и стал после этого втройне мерзким типом. Когда мы с ним учились, все знали его как зануду, который всегда не прочь позлорадствовать, или же подставить кого-нибудь. Тройную концентрацию этого коктейля даже не хочется описывать. Суть в том, что он всегда был не против прилюдно унижить меня и показать мою никчемность и ненужность. Хотя, должен отдать ему должное, так он поступал практиче-

ски со всем персоналом, кроме его любимчиков и друзей его покойного отца.

И Лизы. Лиза была единственным человеком, которого я видел восемь часов и пять дней в неделю, и при этом мог её выносить. Это очень симпатичное юное личико, была приветлива и общительна со всеми, и даже иногда казалось, что со мной чуть больше. Стоит ли говорить, что при этом она была достаточно умна, чтобы отшивать Виктора и игнорировать его дешёвые попытки заполучить её. Ах, Лиза.

Извините, но я начал неправильно. Пока я ещё не научился делиться подобным, так что, пожалуй, начну заново. Забудьте всё, что было сказано. Это не важно. Рутинная работа, мерзкий начальник, симпатичная коллега. Аналогичная ситуация знакома многим представителям нашего жалкого вида и, вероятно, вам в том числе. Если вы захотите послушать нытьё о серой жизни, можете обратиться к очередям в магазинах в предвечернее время или же к никому не нужным сотрудникам никому не нужного офиса. Я уверен, они смогут рассказать вам куда больше и в куда более ярких подробностях с тусклым оттенком. Я же не хочу, чтобы у вас сложилось ложное впечатление обо мне, поэтому забудьте. Всё. Забыли.

Начнём с чистого листа. Привет, я убиваю людей. Систематически. Можете довериться газетам и назвать меня убийцей, серийным маньяком или даже повесить меня до психопата. У меня даже есть таблоидное прозвище. А у вас

есть таблоидное прозвище? Вряд ли, но, в общем, не суть. Эти тщеславные продажные ублюдки прозвали меня «кровавым художником». Господи, «кровавым художником». Звучит словно злодей из комиксов про Бэтмена. К тому же, мне кажется, это долбаное прозвище меня полнит. Я не знаю, какой, по их мнению, мой внешний вид, но мне на «кровавого художника» в мысли приходят только лысые особи мужского пола с лишним весом и почему-то с банкой клубничного варенья. Ненавижу клубничное варенье.

Значит, я убиваю людей. Снова же, можете верить кому угодно, но поскольку вы решили узнать мою историю, давайте представим, что я прав. Так вот, я не серийный и уж тем более не маньяк. Да, после некоторых моих контактов с людьми не все могут поделиться впечатлениями от встречи со мной. Но я хочу, чтобы вы поняли самую суть. Я не убийца, я творец. Да-да, именно творец. Я творю. Понимаете, у меня нет осознанной жажды убийства, я не коллекционирую фаланги моих жертв, и не занимаюсь прочими подобными фетишами. Давайте оставим это истинным психопатам. Более того, я питаю только самые нежные чувства к моим, так называемым, жертвам и очень их люблю. Я преподношу им великий дар, благодаря которому их жизнь в кои-то веки обретёт высший смысл, а не просто сведется к циклу удовлетворения собственных нужд до самой естественной смерти. И после такого везения – быть выбранным мною, лишение нескольких бессмысленных лет жизни – слишком малая це-

на. Но я добр и щедр, потому я ничего не требую. К тому же, убийства как таковые удовольствия мне никакого не доставляют. Я хочу, чтобы вы это поняли. Знаете, почему-то, мне важно ваше мнение. Хотя, если честно, мне на него плевать. Продолжаем.

И так, убиваю я не со зла и не из-за психических отклонений. Возникает резонный вопрос, зачем человеку без явных проблем, с довольно-таки популярным жизненным циклом заниматься подобными вещами. Если вы позволите, я на секунду обнажу свое истинное самомнение и признаюсь вам. Я – гений, я – мессия, созидатель, хрен с ним, «Кровавый Художник», но я, при всей скромности, велик. Мои работы, мои жертвы – это истинные картины, новый шаг, новый виток в искусстве, шедевры воплотили, это достояние человечества воочию и, что не может не радовать, меня признают. Всё, что я сделал, это нонсенс, это вам не обычное убийство проституток, это не убийство ради пары лишних долларов, это то, чего никогда не было. То, чего, возможно, многие в своих страшных мечтах желали, но боялись воплотить. Разница между ними и мной лишь в том, что я не боялся. Чего, в общем-то, таить, я никогда не боялся. И если бы вы только знали, как заново открывается жизнь, как она в корне меняется, если искоренить у себя это чувство. Ладно, я не ваш психотерапевт, думаю, эти вещи вы сможете обсудить с ним. Скажу лишь, что мне повезло, мне не приходилось ничего искоренять. Страх у меня отсутствовал изначально.

Ошибка кода, так сказать. И, наверное, это моё единственное психическое отклонение, если его можно назвать таковым.

Может быть, вас интересует, как можно убивать людей, заниматься этим смертным грехом и называть себя творцом, гением, мастером. Я думаю, интересует. Так вот, я...

– Это с Парижа?

Это с Парижа. Это с Парижа. С Парижа. Париж? Париж. К чему я вообще об этом вспомнил? Мой рассказ шел очень продуманной цепочкой. И вдруг одна мысль сбила абсолютно все, и я даже не помню, о чем хотел сказать. Ладно, получается, что моя история сама будет вести меня, а не я её. Не могу воспрепятствовать.

Это Лиза. Та самая Лиза, которая мне, при всех моих склонностях, была симпатична. Я очень удивился, что она тогда заговорила со мной. На работе, официальной работе, все мои разговоры с коллегами сводились до пары общепринятых фраз, которыми мы обмениваемся с людьми, на которых нам плевать. А то, того гляди, подумают, что ты ещё не такой как все, ненормальный. Таких тут не любят, зато любят поддержание искусственной, псевдодружной атмосферы. Изредка приходилось решать какие-то производственные дела. Не то чтобы я был таким уже трудоголиком и стремился вверх по карьерной лестнице, но возложенные на меня дела старался выполнять без каких-то видимых проблем, как-никак это место было не таким уже и плохим вариантом моего гнетущего времяпровождения, плюс поддер-

жание этой двуличной офисной атмосферы сводило на нет какие-либо возможные подозрения о моих внеофисных интересах. Поэтому в один момент я решил, что свою индивидуальность я буду проявлять подальше от своего основного алиби и вместе с тем кругом общения.

Так. Это с Парижа. Молчание после её вопроса длилось уже несколько секунд, и это странно. В душе были смешанные чувства, от удивления и радости до страха и испуга. Она меня откровенно загнала в угол, я не думал, что мне сегодня придётся отвечать на какие-то вопросы, я не был к этому готов, тем более от неё. Но это Лиза. Каждое её слово, тем более обращённое ко мне, было просто как песнопение ангелов. Да, я тоже, оказывается, умею быть сентиментальным. Ладно, значит, Париж, общение, Лиза. Я вернулся в реальность, кинул взор вначале на неё, потом куда-то вдаль, потом снова на неё и спросил:

– Прости, что?

Голос, вроде, не дрогнул, я словно почувствовал прилив уверенности.

– Чашка. На ней нарисована Эйфелева башня, кажется. Я посмотрел на чашку. И правда, Эйфелева башня.

– Мм, да, из Парижа, кажется.

Если честно, я не знал, так ли это.

– Обожаю этот город. Была всего дня четыре там, но это, очевидно, любовь на всю жизнь. А ты давно там был?

– На самом деле, я без понятия, откуда эта чашка, и в Па-

риже я никогда не был. Моя сестра подарила мне её по какому-то формальному поводу, мне показалось, что здесь ей будет самое место. Потому я не имею ни малейшего представления, откуда эта чашка, но раз здесь нарисована эта башня, давай будем считать, что она из Парижа.

Браво, целых три предложения. Надеюсь, она не подумает, что я с ней флиртую. Или же надеюсь на обратное. К тому же врать, тем более, когда это не необходимо, я не любил.

Тут я заметил её улыбку. Которую я, собственно, и вызвал. Приятные ощущения.

– Жаль. Мне кажется, ты обязан там побывать. Любой человек обязан там побывать.

Не хотелось мне с ней спорить, но, на самом деле, Париж мне на хрен не сдался. Надо бы эффектно сменить тему.

– Я мало путешествовал. В детстве пару раз, ну, и по работе. Как-то никогда не получалось для этого выделить достаточно времени.

– Ты обязан это исправить! Я бы не смогла прожить на одном месте всю жизнь. И, честно говоря, не представляю, как ты можешь!

– Кажется, я об этом никогда не задумывался.

Конечно, нас обязаны были прервать. Самое обидное, что мне понравилось с ней общаться. Понравилось общаться. Как я уже говорил раньше, я небольшой болтун, но эти пару реплик мне принесли столько эмоций, сколько я редко ощущал за всю свою жизнь. Я даже подумывал её пригласить ку-

да-нибудь. Господи, у меня в голове в тот момент было столько мыслей. Кажется, у меня подскочил пульс, и я испытываю явное возбуждение. Так, нужно выровнять дыхание, успокоиться. Да и чего я вообще так завёлся? Обычное общение, обычные люди так периодически поступают. Обычно общаются. А Лиза была приветлива со многими. Почему я вообще решил, что я ей симпатичен и со мной она приветлива чуть больше, чем с остальными. Так, дышать ровно, успокоиться.

Ещё и этот Виктор. Он прекрасно знает, что я ни с кем тут особо дружбу не веду, но настолько же прекрасно он умеет делать вид, будто я главная причина всех проблем. Даже не поленился разыграть сценку, что я мешаю тут всем работать своей болтовнёй. Все его реплики были обращены именно ко мне, на Лизу он даже не смотрел, а после, когда закончил свой монолог, спросил у неё, не хочет ли она пообедать. Наверное, странное предложение в самом начале рабочего дня.

В приступы его упрёков у меня уже выработалась постоянная политика поведения. Я не старался привлекать внимание, и если неведомым образом у меня это выходило, я просто сидел молча с видом виноватого школьника, и после, когда он окончательно удовлетворял своё эго, оставалось сделать тяжёлый вздох с полным чувством сожаления и тогда уже обратить взор на его спину. Я старательно играл зануду, наверное, иногда даже переусердствовал, но с моим хобби предосторожность не могла быть лишней.

Я знал, что Лиза не питает к нему никаких чувств, и поэтому волноваться мне не следовало, но то, что он ушёл вместе с ней, почему-то вызвало во мне большую злость. Этому я сам удивился, потому что кричал он на меня и раньше, и порой даже при Лизе, и при любом сценарии он потом уходил с ней в одну сторону, но такой порыв гнева был впервые.

Говорят, у каждого человека в жизни есть какие-то отправные точки, с первого взгляда незначимые, но способные довольно круто поменять жизнь. Наверное, эти пару минут во время рабочих часов одной из таковых и являются. Возможно, потому что впервые в своей жизни я почувствовал нежные чувства к чужому человеку. И ненависть. Впервые я почувствовал такую крепкую ненависть.

Глава 2

Странно, наверное, читать подобные слова о человеке, которого в газетах зовут серийным убийцей и маньяком. Но, скажу я вам по секрету, это непрофессионально. Вообще, испытывать какие-то чувства к жертвам – непрофессионально. Я это давно уяснил, я же не псих какой-то, который убивает в порыве сумасшествия своих родных, а потом рыдает над их телами. И не обиженный судьбой неудачник, который решается отомстить оскорбившему его человеку.

Нет. Все эти сентиментальности оставим дилетантам.

Я не могу себе позволить такую роскошь, как чувства к жертвам. Да, наверное, это непередаваемые ощущения, когда ты воткнул нож в сердце того, кто тебя жестоко подвёл несколько лет назад, и в итоге позволить выйти накопленной в тебе ненависти, лелеянной годами, буквально одним движением руки.

Я не наслаждаюсь самим убийством. Да и, в конце концов, это небезопасно, а для меня предосторожность стоит на первом месте. Я как-то читал статистику, и там имеется просто ужасающе большая цифра, которая говорит нам, что огромное число жертв были лично знакомы с теми, кто закончил их жизнь. Очевидно, что, если я бы убил того, кто был бы мне близок или наоборот, в первую очередь начали бы опрашивать и накладывать подозрения на тех, к кому жертва пи-

тала наиболее острые эмоции.

Нет. Я не могу позволить себя обнаружить из-за такой глупой ошибки.

Потому у меня есть план. План, который я уже много раз приводил в исполнение и в мастерстве воплощения которого я постоянно совершенствуюсь.

Первое – это идея. Один из самых трудных и важных этапов, несмотря на то, что ничего противозаконного в нем нет. Как я уже успел заметить, я творец. Мне важно, чтобы моё произведение искусства на самом деле было таковым, чтобы конечный результат мог произвести такое же впечатление, как и другие предметы искусства, картины или кино, например, а именно взволновать, заставить задуматься, восхититься красотой и, наконец, оставить какой-то след внутри человека.

Я прекрасно понимаю, что не все могут воспринимать тот посыл, который я стараюсь нести, многие в этом видят просто покойника, над трупом которого слегка поиздевались, но поэтому я и говорю про совершенствование. Я хочу, чтобы люди относились к моим работам так же, как к работам Рембрандта или Гюго, я хочу, чтобы они видели в первую очередь конечную цель, а только потом методы. Не могу не отметить, что я очень сильно прогрессирую, порой я сам в дичайшем восхищении от своего конечного результата, ради которого всё и затевалось.

Я надеюсь, вы понимаете, что я хочу вам сказать. Мне

не важна жертва, мне не важен процесс убийства. Для меня главное – это тот посыл, который я донесу до зрителя, и то, какие выводы он сделает от увиденного.

Поэтому я начинаю с идеи. Я представляю общую концепцию, продумываю то, что хочу донести людям, то, как будет выглядеть всё в итоге. Порой, изрисовывал десятки страниц, исписывая уйму карандашей, прежде, чем обнаруживалось то, что по-настоящему меня захватывало. Кропотливый этап. Только когда я буду полностью доволен, можно приступить ко второй стадии.

Вторая стадия подразумевает под собой подготовку. Для самых сложных проектов подготовка может растянуться на месяцы, иногда для неё хватает и нескольких дней. Так уж сложилось, что я в детстве был очень деятельным. Что-то делал я практически всегда и практически везде. Я постоянно рисовал, пытался что-то соорудить из подручных средств и тому подобное. Меня с юных лет убеждали, что я попросту трачу время, что лучше бы я себя посвятил изучению математики или других наук, что вся эта самодеятельность не поможет мне в нахождении достойной работы, что все художники скатываются до пьянства и наркомании и умирают в нищете. Постепенно всё это передалось и, по достижении совершеннолетия я знал, точнее я думал, что самые большие ценности в жизни сводятся к красивой жене и большим деньгам. Что без этого ты просто не будешь считаться успешным человеком. Что если ты не будешь к этому стремиться, твоя

жизнь будет прожита зря. Так я и рос несколько лет. Получал образование, засматривался на девочек и думал, что большего не надо.

Пошло оно всё.

В какой-то момент пришло понимание, что тут есть какой-то подвох. Конечно, в подобном ключе можно прожить жизнь, и доминирующая часть населения с переменным успехом с этим справляется, но во имя чего это все? В один прекрасный момент ты умрешь, и до твоей потребительской жизни не будет никому дела, все будут судить тебя по твоим достижениям. И удовлетворит ли тебя эта оценка? А какие могут быть достижения, если все, к чему пришел в итоге – это покупка подержанной машины и уход на пенсию с двух карьерных ступенек выше, чем начинал?

Я не хотел этого для себя и для мира. Хотел, чтобы люди посмотрели на свою суету со стороны и поняли, как же их жизнь ничтожна в глобальном смысле. И я старался им это показать в своих работах. Этим самым я искоренил навязанные мне обществом взгляды и пытался сделать тоже самое для других. Эгоизм – один их худших грехов, по моему мнению.

В общем, для моей деятельности мне, безусловно, пригодились мои прежние навыки. Моя страсть к искусству привела меня к гениальным эскизам моих творений, моя любовь к созиданию и технике помогла мне всё это шедеврально реализовать. Когда я работал над своим последним проектом, я

хотел показать всему убогому миру, как мы стали зависимы от технологий, компьютеров и прочей дряни. Идея не нова, да. Но я вывел отображение этого на новый уровень.

Как бы сделали это вы? Возможно, поучаствовали бы в митинге вместе с полусотней таких же придурков, которые думают, что пару постеров и слоганов что-то докажут этому миру. Будь вы музыкантом, возможно, написали бы никому не нужную песню, под которую бы кто-нибудь потанцевал или того гляди занялся бы сексом, будь она мелодичной и спокойной. Да всем плевать на слова или убогие акции протеста. Нет. Люди тупые, поэтому им надо показать всё так, как и есть. Им надо внушать страх, гнев, тоску, так как только через какие-то негативные эмоции до них может что-то дойти.

В итоге, я придумал своё детище. Это было одно из самых трудных моих творений. Еще долго после его реализации я буду слышать, как какие-нибудь клерки перемолвятся о нем в курилке или во время своих пустых внерабочих бесед. Безусловно, оно того стоило. Разные любители пера назовут её чуть ли не одним из самых жестоких убийств. Но нет. Это было не убийство. Это была картина. Я лишь нашёл хороший холст, подобрал гармоничные краски и нарисовал это. Вы только представьте. Я поместил, так называемой жертве, в глазницы маленькие экраны, которые сам же и соорудил, и они являли нечто, что программисты называют «синий экран смерти». Подходящее название, не так ли?

В нем даже есть что-то романтическое. Также я хотел показать, что многие ныне живут практически в синтезе с техникой, потому счёл необходимым вместо его некоторых органов вживить компьютерные внутренности, известные как жесткий диск и материнская плата. Ну, и почему-то я видел эту конечную картину с отрезанными руками. Гениально, правда? А вы бы видели, как это всё смотрелось наяву. Вы такого ужасающего и вместе с этим невообразимого зрелища не увидите ни в дешевых фильмах ужасов, ни в своих самых страшных кошмарах. Если мои предыдущие работы становились на уровень с городскими легендами и байками и держали в ужасе сотни тысяч людей, я даже не могу представить, чего ожидать от этой! Какие ныне художники добивались чего-то подобного? Какие песни крутили все радиостанции страны неделями, не разбавляя их другим музыкальным шлаком? Какие мирные демонстрации делались самым обсуждаемым явлением месяца?

И пусть теперь какой-нибудь папаша скажет, что страсть ребёнка к рисованию не может ни к чему привести. Пусть скажет, что его сын ничего не добьётся. Возможно, такому папаше я подарю честь участвовать в создании очередной моей культовой картины.

Так вот, значит, подготовка. Будем откровенны, смогли бы вы сделать что-нибудь подобное? Нет, я не только про маленькие мониторы. Даже вообразить, как это сделать, нарисовать эскиз? Вряд ли. И я не хочу себя выделять среди

людей, да, я, наверное, особенный, но вокруг меня и даже вас ходят, живут, питаются десятки или сотни одарённых людей. И, возможно, некоторые из них разбираются в механике или могут нарисовать что-нибудь сносное. Но тут мало талантливых рук. И гениального мозга тоже недостаточно. Можете смеяться, но тут важны чувства. Да, именно они. Снова же, при всей моей нелюбви к каждодневному быту людей, жизнь я люблю. И не только свою, но и ещё жизнь всего сущего. Я хочу помочь всем, хочу направить, позволить развиваться, перейти на новый уровень, избавиться от чего-то лишнего, эволюционировать, в конце концов. Именно поэтому я безумно люблю свои работы, свои холсты, каждого из них. Наверное, в каком-то смысле я как Иисус. Ладно, не буду преувеличивать.

В общем, в данном случае я готовился около двух месяцев. Это я беру отсчёт прямо с того момента, как я сделал наброски в своей голове и тетради. То есть в течение примерно двух месяцев я занимался непосредственно приготовлением всех красок и шестерёнок. Не буду обременять вас лишними подробностями, скажу лишь, что самым сложным был процесс создания мониторов. Всё-таки технического образования у меня нет, поэтому вместе с тем приходилось постоянно обращаться к различным учебникам и роликами, здорово мне в этом помогающих. Да. Кроме развития мира, занимаюсь также самостоятельным обучением. Преуспеваю везде.

Так, продолжаем. Далее следует реализация. Уж не знаю

почему, но для большего понимания предлагаю эту стадию разделить на две условных части. Первую стадию назовём выбор холста. Незамысловато, но отражает всю суть, просто лучше не придумаешь.

Предположим, что вам нужно выбрать полотно для будущей картины. Ладно, возьмём, возможно, более понятный для вас пример. Выбор обоев. То есть вы приходите в магазин, при этом в голове вы уже примерно представляете, в каких цветах должна быть ваша будущая гостиная, то есть вам остаётся найти максимально приближенный к вашим мыслям оттенок или рисунок, определиться и купить. Про саму поклею мы поговорим позже.

Практически аналогичная схема и у меня. Только вместо магазина у меня улицы. И деньги я трачу лишь на проезд. В случае с никудышным программистом всё получилось просто идеально. Понимаете, мне как художнику важно, чтобы картина символизировала выбранные мной пороки не только в момент своего величия, но и до него. Я бы даже сказал, что холст определяется не сколько мной, сколько судьбой и той ролью, которую он нес сам на протяжении траты тех лет, отпущенных до момента возвышения. Иногда мне кажется, что я сам просто инструмент в руках чего-то высшего. И я слепо отдаюсь своему предназначению, как и те до определенной поры обыватели, не подозревающие о своей настоящей великой участи.

Насчёт этого случая, как я уже сказал, мне очень повез-

ло, так как на одном из моих маршрутов на работу (а мне их приходится периодически менять из-за нелишней предосторожности) я через день замечал утром человека, который просто-напросто жил в своём ноутбуке. Наверное, вы даже знаете подобных людей в своём окружении. Так вот, несколько раз проехав с ним и даже разок проследив до его дома, я сделал несколько важных выводов. Во-первых, то, что он идеально мне подходит. Как вы, я думаю, догадались, у меня уже было всё приготовлено, и я представлял этого человека именно таким, каким он и оказался. Во-вторых, он жил один в каком-то частном доме с газончиком, а точнее с запредельно высокой травой. Всё вышло замечательно, мне даже не пришлось думать, где бы реализовать своё представление и что делать с потенциальными свидетелями, которых из-за его одиночества просто не могло бы и быть.

Оставалось дело за малым. Подобрать нужный момент, и лишить холст возможности сопротивляться. Возможно, для большинства дилетантов именно эта стадия самая трудная, так как при малейшем промахе тебя непременно найдут, и наказание себя не заставит ждать, но я профессионал. Я знал, что волнение может только помешать, поэтому всегда был максимально хладнокровным. Нельзя было колебаться ни секунды, нужно было заранее просмотреть все возможные варианты неудачи, потенциальные пути отступления, и расписать весь процесс по минутам. Если была хоть одна нестыковка, я предпочитал за дело не браться, и ис-

кал другую жертву. Я, конечно, всегда стремился к идеалу, но не всегда бегал за типажам, подходящими мне не только по внешним качествам, но и по внутренним. В конце концов, важен именно конечный продукт, то, каким его увидят в будущем, а не прошлом. Именно по этому детищу меня будут судить.

Ладно, тут я увидел, что с соседями наш «компьютерщик» вообще не контактирует, первоначальной функцией телефона как средства общения он не пользуется, поэтому вероятность внезапно нагрянувших гостей практически отсутствовала. Плюс некоторые окна были открыты и имелся задний ход, поэтому даже в случае маловероятных неожиданных посетителей я бы успел уйти.

Осталось лишь непосредственно реализовать свою задумку.

Наконец приступаем к последней стадии, которую в каком-нибудь учебнике по математике, наверное, назвали 3.2. В очень необычном учебнике. Созидание. Моя любимая стадия. Любимая не потому, что я законченный псих и наконец убью после столь долгой подготовки. Нет. Увольте. Именно здесь я показываю всё своё мастерство, представляю публике свой шедевр, рисую долгожданную картину. Сам я параллельно отношусь к процессу лишения жизни. Все ведь не ради этого. Обычно я это делаю ударом своего ножа. Точка удара не так существенна, главное, чтобы жертва уже не очнулась, и, желательно, чтобы линия входа не была видна в ко-

нечном творении. Важна каждая деталь. Тут мне помог удар ножом в глаз. После того, как ночью я пробрался через окно в дом, тщательно осмотрелся, нашёл спящего парня и без лишних колебаний вонзил в него нож. Он даже спал рядом с включённым компьютером. У него не было ни шанса.

В его доме я провёл около трёх часов. Необходимо было реализовать всё, как я и задумал, потребность к спешке отсутствовала. После того, как результат меня полностью удовлетворил, я аккуратно убрал всё лишнее, ненужные внутренности я сложил в пакет для мусора и выставил на улицу, сфотографировал жертву два раза, оставил один снимок там же, опять же всё просмотрел на наличие ненужных улик.

Когда я вышел из дома, на часах показывало пять утра. Я умышленно прогулялся несколько лишних остановок, людей на улице практически не было, и после убрался с этого района. Настроение у меня было, мягко говоря, приподнято, я чувствовал себя как ребёнок, которому вот-вот подарят долгожданный велосипед, после такого возбуждения мне было не до сна. Когда я приехал домой, я сразу же спрятал рисунок и фотографию в альбом, где я хранил все свои достижения. Не знаю, зачем он мне, но иногда приятно посмотреть его, подумать о чём-нибудь светлом, великолепном, лишний раз восхититься собой. Та самая фотография, которую я оставил рядом со своей картиной, являлась чем-то вроде подписи художника, я не хотел, чтобы мою работу приписывали кому-то другому, а имя я своё написать по понятным причи-

нам тоже не мог. Поэтому была просто фотография. Этого было достаточно. Копы даже не рассказывали об этом журналистам, поэтому все возможные подражатели сразу попадались на этом. Да, поверьте мне, они у меня были. Я всегда с интересом читал в газетах про какого-нибудь ревнивого мужа, который убил свою жену в порыве гнева и после издевался над её телом, пытаясь выдать за мою жертву. Чёрт бы их побрал. Люди, и детективы в частности, – довольно тупы, но даже их так не проведёшь, обычно таких псевдогениев вычисляли практически в первые недели. Что до меня, я скорее находил это занимательным. Мои последователи старались достичь идеала, то есть меня, и в этом их порыве я мог только порадоваться за них. В каждой их работе, может, бесконечно неопрятной и неумелой, я видел их любовь ко мне. У меня тоже все не сразу получалось. Поэтому я искренне любил их и жалел в случаях неудач. Так как, если у меня не будет поклонников, есть ли вообще смысл во всем этом?

Глава 3

Отвратительно утро. По ощущениям похоже на преддверие конца света, но через пару минут ты понимаешь, что не в этот раз, и тебе приходится вставать. Подъём, туалет, ванна, кухня. Все последующие действия тоже уже изрядно доведены до автоматизма. Я думал, что этот цикл будет повторяться изо дня в день до конца отведённых мне часов. Возможно, если доживу до пенсии, он слегка сократится. Хоть какое-то разнообразие. Но что-то внесло свои коррективы.

Я не знаю, зачем я это сделал. Вдвойне неясным это кажется после понимания, что именно в тот момент моя жизнь, наверное, имела самое большое значение. Когда я спрыгнул вниз, на долю секунды это представлялось единственным верным решением, по истечении этой доли, я понял, что это было единственное неправильное решение из всех принятых. В конце концов, есть судьба. Или её нет. В любом случае, есть то, что делает всю твою жизнь уникальной, какой бы она ни была.

Тем самым утром я собирался провести этот день, как и почти все остальные. Точнее, не собирался, но оно всегда так само собой и получалось. Жил я в маленькой съёмной дешевой квартире. Поднявшись с кровати, я пошёл в вышеуказанное место, после – душ, какие-то косметические по-

пытки показать себя не таким уж и лишним членом общества, кофе, некоторое подобие завтрака. Брызнув на себя пару капель одеколона, подаренного женой, я в очередной раз пришёл к выводу, что в нём есть небольшой душок нетрадиционной ориентации. После, забрав ключи и всё остальное, что будет иметь для меня важность в этот день, я закрыл дом и вышел на улицу. Там утро казалось ещё более отвратным, чем в момент моего пробуждения. Какой-то подонки с душком моего одеколона поставил машину, перекрыв всю прямую дорогу, из-за чего мне придётся выезжать на некоторое время дольше. Таким разнообразиям моего утра я не особо радуюсь.

Пробки. Если вы бывали в нашем городе, пробки это то, на что просто невозможно не обратить внимание. Утром они способны увеличить время прибытия к чему угодно в разы. Хотя я с ними сталкивался каждое утро, сегодня они вызвали у меня настолько сильное раздражение, что я, наверное, даже сам бы удивился, если бы это самое раздражение не было моим альтер эго.

Честно говоря, я уже и не помню, когда я был на самом деле счастлив, когда я мог назвать себя полностью удовлетворённым, когда в последний раз искренне смеялся. Моя жизнь в последнее время напоминает настоящую задницу, невероятно вонючую и отвратительную. Конечно, у всех бывают чёрные полосы, но моя как-то слишком уж затянулась. Её и полосой то уже не назовёшь, да и чёрная – это уж слиш-

ком слабо сказано, моя жизнь это скорее та самая космическая дыра, которая всё затягивает в себя и перемещает неизвестно куда, только не чёрная, как её принято называть, а какой-то цвет, который темнее и бессмысленней. Может быть, он оттенком напоминает то, что вы видите, если в невероятно тёмной комнате, к тьме которой вы ещё не привыкли, и разглядеть что-нибудь не представляется возможным, закрыть глаза. И вот именно то, что будет перед вами, каким-то образом расскажет вам об оттенках моей жизни. Антураж тоже довольно подходящий: комната без единого лучика света, в которой даже с закрытыми глазами ощущаешь, насколько здесь мрачно и пусто.

Если вам всё-таки немного интересно, что же такого творится в моей жизни, я вам могу постараться рассказать вкратце. Не гарантирую, что это будут самые насыщенные минуты в вашей жизни, но всегда приятно послушать, что у других тоже жизнь бывает дерьмом.

Моя жена. Сказать, что я её невероятно люблю, не сказать ничего. Я хочу видеть её каждую секунду своей жизни, хочу дышать ею, хочу ею задохнуться. Когда-то, наверное, она испытывала ко мне схожие чувства, но явно не этот год. Последнее время мы с ней почти не разговариваем, даже банальные для семейной пары разговоры, про планы на вечер, оборачиваются невменяемым скандалом, просто бурей, которая могла бы смести дома. И это невероятно горько, так как даже спустя год практически раздельной жизни мои чув-

ства не ослабли ни на каплю.

Трудно сказать, с чего всё началось. Вероятно, некоторое отношение к этому имеет моя работа, из-за которой я не мог отдавать себя жене настолько, насколько она того заслуживает. А относительно всей моей жизни, рядом я с ней был вообще ничтожное количество прекрасных мгновений. Однозначно, она знала, что мне хотелось бы это изменить, потому странно, что даже те ничтожные часы, которые я старался вырвать для неё, она ничуть не ценила, а воспринимала, как лишний повод поднять какую-то ненужную тему для очередной ссоры.

Друзья говорили, что у неё мог появиться любовник. Но знаете, моё сердце настолько сплелось с её, что я просто не мог в это поверить, да и не верю, я знаю, что это не так. Я не зря сказал про сердце, в моих чувствах я ещё с нашей свадьбы научился понимать малейшее колебание её настроения, которое непременно переходило и ко мне. Будь то мельчайшая улыбка секундной радости, которая давала мне запал на целый день, или огромное разочарование, которое обременяло меня страданиями на недели.

Полтора года назад умерла её мать. Для неё это был просто огромный шок, у любимой начались проблемы со здоровьем и исчез аппетит. Она чрезмерно похудела за то время, стала мрачнее той самой комнаты, в которой находится моя жизнь. Я пытался её успокоить, как мог, подарив подарки, взял отпуск на работе, чтобы постоянно быть рядом, но больших

результатов это не принесло. Наоборот, постепенно она становилась всё более раздражительной и молчаливой по отношению ко мне. Удивительно, что спустя полгода она вроде бы начала приходить в себя, стала видеться с подругами, стала более общительной с посторонними людьми и с коллегами, но не со мной. Я никак не мог найти оправданий этому, и чтобы хоть как-то отвлечься, я начал больше времени проводить на работе, даже оставаться там по ночам, периодически начал выпивать. Я видел её безразличие ко мне, которое подогревалось моими чувствами, и в её взгляде на меня обрушивались просто волны, волны из плавленной стали, которые до невозможности обжигали меня и впивались мне в сердце, а после охлаждались и застывали там навсегда. Рабочие будни помогли как-то остыть, забить голову другими проблемами и не видеть этих глаз, которыми раньше я мог наслаждаться безостановочно.

Кстати о работе. Хотя я и старался забыть в ней, не сказать, что у меня там всё было гладко. Пять лет назад я был одним из самых выдающихся детективов в округе. Мне прочили прекрасную карьеру и даже славу. Может быть, вы помните дело того насильника? Тот, которым пестрили все заголовки газет, уже не помню, сколько лет назад? Этот больной на всю голову подонок ворвался в дом, где жила семейная пара с ребёнком, зарезал их и умудрился ещё изнасиловать жену, которая в тот момент была ещё жива. Так вот, это именно я его нашёл. На их заднем дворе был найден оку-

рок, который по какой-то неведомой случайности оказался из редчайшего табака. На этот окурок никто не обращал внимания, и мне просто невероятно повезло, что среди зарослей кустов я его нашёл, при этом хозяева, как известно, не курили. Этим самым табаком незаконно торговал один тип, который за то, что мы его не трогали, сливал нам всю известную ему информацию о наркотиках и их поставщиках. Спустя часы детективной суеты, с его помощью мы определили любителя экзотики, при этом он добавил, что подозреваемый был чертовски дерганый и нервный, и когда мы ворвались к нему в дом, мы поняли, что не прогадали. Этот самый псих лежал на кровати под смесью мескалина и кокаина. В шкафу мы нашли нож, которым он жестоко расправился с бедной семьей. Когда насильник пришёл в себя, он уже был в участке, где самые жестокие прогнозы относительно его участи казались недостаточно справедливыми.

Наверное, мне всё-таки повезло. Но после ещё пары раскрытых дел шеф проникся ко мне глубоким уважением. Я даже сам начал верить, что всё пойдёт только в гору. И тут шанс. Шанс, который мог обеспечить мне всемирную славу. Тот самый золотой шанс, ради которого тысячи юнцов идут в эту профессию, и, в общем-то, шёл и я. Объявился настоящий маньяк, который мог бы дать фору самому Джеку Потрошителю. Сперва его убийства приписывали разным людям, но спустя пару последующих тел, стало очевидно, что всё это сделал один человек. Тогда он поднял дикий пере-

полох не только у нас в городе, но и по всей стране. За это расследование желал взяться каждый детектив, так как при его раскрытии ты мог выйти в ранг одного из самых выдающихся деятелей нашей сферы. Повезло мне. Я был счастлив, мне казалось, что я почти достиг пика, я загорелся работой. Мне завидовали, но я этим не прельщался, я знал, что смогу разоблачить этого типа, и для меня это было сравнимо с покорением мира.

Однако, падать с этого пика было невероятно больно. Уже как четыре года я практически не продвинулся ни на шаг, тогда как он за это время совершил около пятнадцати убийств. При этом каждое последующее становилось всё более жестоким и изощрённым. А хоть какие-то новые наводки отсутствовали. У нас имелось около ста тридцати семи предполагаемых подозреваемых, у нас были ориентировочные орудия убийства, психологический портрет. Но разве этого достаточно, чтобы обнаружить человека, у которого в выборе жертв нет никакой закономерности. Судя по местам преступлений, можно было сказать, что своими работами он хотел что-то сказать, но этот смысл не всегда было легко уловить, а зацепиться за него тем более. Очевидно, что свои убийства он разыгрывал как представление, значит, ему хотелось внимания, славы. И он её получал. Сразу после его очередной жертвы появлялись тысячи газет и сотни шоу, посвященных его злодеяниям. Повсеместно можно было почувствовать страх, люди начинали не доверять ближним и боялись

выходить на улицу. На общем быте это не отражалось, но часто, когда речь заходила о нём, в воздухе висело просто невероятное напряжение. Интересный факт: в это время количество разводов повысилось на три процента.

Единственная польза, что была от меня за это время, это то, что я раскрыл пару его подражателей. Понимаете, СМИ знали, что он всегда оставляет фотографию своей жертвы на месте убийства, но они не знали, что всегда ещё поблизости лежит пакет с отходами после его работы. Когда малоопытные полицейские находили его, их завтрак непременно в то же мгновение оказывался где-то поблизости. За эту чистоплотность в наших кругах его прозвали «чистильщик» или «мусорщик». Газеты его называли каким-то там художником, но по отношению к нему это звучало убого. Так вот, так как про эти пакеты с подарками, кроме непосредственно нас, никто не знал, определять подражателей было довольно просто. Подумайте сами. Вам не нравится ваш босс, который вам не даёт заслуженного повышения или ущемляет с деньгами. Если вы нормальный человек, вы можете просто уволиться и найти другую работу. Но если вас довели, в вашем мозгу может возникнуть мысль избавиться от него. Признаться, подобные мысли возникали у большинства населения нашей планеты в отношении неприятных вам людей. Однако если у вас настоящие проблемы с головой, вы можете даже попробовать реализовать это. Ещё вы можете подумать, что логично было обставить это так, будто это сделал другой ны-

не обсуждаемый убийца. В общем-то, аналогичные случаи были и у нас. Например, один клерк зарезал своего босса и засыпал его горой напечатанных денег. Так же он не поленился сфотографировать результат своей работы и оставить снимок нам. Подделка была раскрыта практически сразу, и благодаря показаниям его коллег этот плагиатчик был обнаружен через пару дней. Он признался, что вдохновлялся именно работами «мусорщика».

К сожалению, таких примеров достаточно. Их раскрытие хоть и позволяет мне остаться на работе, но когда где-то находится настоящий монстр, не сказать, что они меня очень уж удовлетворяют. Стоит ли говорить, что результаты моего основного дела моё начальство не очень устраивают, потому речи о возможной передаче дела ходят всё чаще.

Я осознаю, что рассказанные мной проблемы могут вам показаться не самыми ужасными поводами, из-за которых можно ненавидеть свою жизнь. Вы можете даже сказать, что где-нибудь в Африке голодают целые поселения, где-нибудь в Европе происходит постоянное насилие над жёнами, где-нибудь ещё господствует детский труд. Я понимаю. И ни в коем разе не преуменьшаю ужас всего этого. Однако, все выше описанные проблемы – это мои проблемы, проблемы, которые не позволяют мне жить. Отсутствие взаимопонимания дома, безразличие любимого мне человека и крайне низкие успехи на работе делают мою жизнь пустой, безрадостной и крайне мне отвратной. Я не эгоист, но если мои неуда-

чи лишают меня попросту смысла жизни, я не могу не преуменьшать их значимости, даже в сравнении с основными бедами нашей эпохи.

Когда я наконец добрался до работы, мой пессимизм и негодование по поводу реалий, окружающих меня, только увеличились. Я уже привык получать сомнительное удовлетворение от моих будней. Макс, мой коллега и отличный детектив, который был меня старше на лет десять, и я могу смело сказать, что отчасти вдохновлялся его работой, приметил меня, резко встал со своего места, протянул мне руку и сказал слегка обеспокоенным тоном:

– Слушай, Дмитрий сегодня явно не в духе и просил найти тебя. Я бы на твоём месте не попадался ему на глаза хотя бы до обеда.

В каком-то смысле последние несколько месяцев это было наше неофициальное приветствие.

– Чёрт. Спасибо, что предупредил. Но меня так достало играть с ним в прятки, что я сам к нему наведуясь.

Не знаю, что на меня нашло, но у меня с утра было дерьмовое настроение, и сделать его ещё хуже казалось просто необходимым.

– В любом случае, не говори, что ты опоздал. И тогда уж поторопись.

Я сделал одобряющий знак бровями и выдвинулся по направлению к кабинету начальника. Мой шеф, Дмитрий Строк, родился где-то в российской глубинке. Жизнь в бед-

ных районах и участие в уличных группировках сделали его человеком жёстким, но справедливым. Я искренне его уважал, возможно, какие-то схожие чувства он испытывал и ко мне, но в последнее время у нас что-то явно не ладилось. Не сказать, что я не знаю истинной причины этого.

Я постучал в его тяжёлую дверь и, недождавшись ответа, зашёл. Дмитрий сидел и что-то писал, когда я появился, он даже не глянул в мою сторону. Кажется, шеф и вправду не в лучшем расположении духа. Он заговорил, даже не подняв головы:

– Где ты был? Я тебя уже около получаса жду.

– Я опоздал. Пробки, сам знаешь. Мне жаль.

Он оторвался от бумаг, выпрямил спину и посмотрел мне прямо в глаза.

– Пробки? Ты меня за идиота держишь? Или ты сам идиот? Ты работаешь тут не первый год и во всём обвиняешь пробки? Даже те, кто здесь первые месяцы работают, придумывают лучшее оправдание. Неужели ты до сих пор не научился выезжать, как следует, чтобы эти самые «пробки» не способствовали твоему опозданию.

– Тогда давай обмолвимся, что я проспал. Я вчера допоздна был тут, хотя ты и сам это знаешь.

– Знаю. Но ты был здесь во внерабочее время. Им ты можешь распоряжаться как угодно, но в рабочие часы уж постарайся быть здесь.

– Хорошо, шеф, я понял. Если ты меня хочешь дальше

отчитывать как школьницу, я лучше пойду. Мне вроде как работать надо.

Не знаю почему, но иногда я с ним общался, будто мы дружим уже много лет. Возможно, я иногда и вправду так считал.

– Где твоя работа? Покажи мне! То, что ты просматриваешь разные фотографии по сотне раз? Или что-то там, чёрт тебя подери, рисуешь?

Последнюю фразу он сказал громко, на самом деле громко. Потом замер на несколько секунд, смотря прямо на меня, а после снова принялся писать.

– Слушай, Ник, я понимаю, что у тебя сейчас всё не очень, и знаю, что ты пытаешься всё исправить. И ладно я, я готов дать тебе сколько угодно времени. Но начальству срочно нужны результаты, и нужны прямо сейчас.

Мне надоела эта бессмысленная беседа, все реплики которой я уже заучил наизусть.

– Дмитрий, при всём уважении, не мне тебе рассказывать, что мы тут не пирожки печём. Мне просто нужно время. Ещё немного времени. Так и передай начальству. Я кое-что нащупал.

Ничего я не нащупал.

– Может, ты наконец яйца у себя нащупаешь? Твою мать, что с тобой стало? Посмотри на себя! Когда-то я ждал только повода, чтобы упомянуть о тебе. Теперь же моё новое хобби это придумывать тебе оправдания и увиливать от вопросов.

Пошел прочь. Ник, вечно это продолжаться не может. Иди.

Я и сам это знал. Всё пошло к чёрту уже давно, и я сам не понимаю, как Дмитрий мог тянуть меня так долго. И если раньше я мог сказать ему хотя бы спасибо, теперь мне придется вести себя как дерзкий ученик в разговоре с учителем, дабы показать свою псевдовзрослость. Не о такой взрослости я мечтал. И, вправду, что со мной стало.

Перед выходом я хотел сказать нечто вызывающее, но вовремя сдержал себя. Всё же иногда я мог себя контролировать. К тому же, задерживаться в этом кабинете мне не хотелось. Знаете, при всей моей грубости, я все же очень доверял шефу и знал, что наступит время, и между нами все образумится. Звучит как исповедь бывших любовников. Особенно забавно, что в нашем «любовном» треугольнике был третий, который о нас абсолютно не знал. Да и мы тоже, чего уж там. Ладно, как-то это слишком ненормально звучит.

Захлопнув дверь, я закурил. Сразу же возле меня оказался Макс. Я не стал ждать его стандартного вопроса и сразу же сказал:

– Я в бар, ты со мной?

Обычно в таких случаях он любил мне почитать нотации, но после в любом случае соглашался. Сейчас же он несколько секунд посмотрел мне в глаза, после громко выдохнул, захватил куртку и пошёл за мной следом. Через пару минут мы уже ехали на моей машине. Интересный факт: пробок в сторону бара практически никогда не было, в отличие от дороги

в направлении участка.

Почти весь, хоть и недолгий, путь, мы ехали молча. Через некоторое время мой уважаемый коллега, который, казалось, иногда надевает маску шефа, решил, дабы не терять марку, слегка образумить меня. Как они ещё не поняли.

– Слушай, Ник, я знаю, мы с тобой не самые благочестивые люди, и место на Елисейских полях мы вряд ли заслужили, но какого чёрта с тобой происходит? В последнее время ты переходишь все границы, я сам тебя не узнаю. То, что раньше начиналось как развлечение без всякого умысла, сейчас напоминает какой-то сраный беспредел. Твою мать, может, пора завязать? Я знаю, ты сможешь. Мы сможем.

Последние слова прозвучали таким жалобным голосом, что меня чуть не вырвало. Снова же, я не хотел отвечать, так как знал все последующие реплики, потому просто попробовал сделать безразличный тон и сказал:

– Позже обсудим.

Кажется, голос слегка дрогнул. Дьявол. Не всегда так просто держать маску бессердечного типа. Хотя иногда я начинал думать, точно ли это просто маска. В любом случае, Макс это заметил, очевидно, сделал для себя выводы о какой-то внутренней победе, посмотрел на меня ещё пару секунд, после отвернулся и молча старался делать вид, что приметил нечто интересное за окном. Такая немая сцена длилась до самого конечного пункта назначения.

Макс был прекрасным парнем. Почему-то у него было три

любимые рубашки, которые он менял каждый день по очереди. Как шутка, иногда можно было отсчитывать дни по его рубашкам, система работала как часы. Объяснял он это упорядоченностью и удобством, плюс ко всему рубашки не требовалось часто стирать. В детстве он воспитывался на военных фильмах, где, казалось бы, рассказывается об ужасах смерти и бойни, он же воспринял это как повод для доблести и геройства. Надо сказать, вся эта наивная подростковая романтика осталась в нем и сейчас, только решил он в один момент стать почему-то копом. Знаете, многие из нас в детстве хотели стать солдатами, уйти в полицию, только, мать его, с первыми лобковыми волосами обычно вся эта чертовщина перерастает в нечто более практичное, или даже не практичное, а переосмысленное. Макс же, несмотря на очевидную половозрелость, остался себе верен до конца, и сейчас мы имеем парня, которому уже чуть больше сорока, а, по сути, ребёнок-переростка, который всё так же считает полицию местом для храбрецов и потенциальных героев. В этом стоит отдать ему должное. И, может быть, оно всё так и было бы, если бы в определённый момент что-то не сломалось. Так часто бывает. Вроде бы всё идет как надо, но вдруг что-то ломается. И, кроме как внезапной поломкой, по-другому объяснить это не получается.

Обычно у всех потенциальных защитников чести и справедливости так и бывает. Все объясняется случайной поломкой. Ты живёшь в надеждах, раздумываешь стать музыкан-

том, футболистом, может, даже банкиром, в конце концов, наверное, стараешься идти к этому, что-то понять, но вдруг «бах!», что-то начинает идти не так, детали механизма заработали не как раньше, ритм стал не тот, да и появился какой-то еле слышный скрежет, который постепенно становится всё громче и громче. И ты понимаешь, что всё стало как-то по-другому. Что ритм, хоть и другой и не такой выразительный, довольно-таки постоянный и уверенный. Да и к скрежету, при всей своей диковинке и очевидных неполадках, можно привыкнуть. Обычно наиболее тупые из нас начинают объяснять всё это таким практичным словом, как взросление, когда, мол, приходит опыт и нам необходимо что-то ритмичное, что-то, якобы, осмысленное, когда предыдущие мечты становятся синонимом слову «детские фантазии». И ты пытаешься что-то кому-то доказать, убедить, но скрежет внутри них, который в разы громче твоего, не позволяет услышать тебя. Самое интересное, что те, кто догадается хотя бы попробовать починить детали, смазать шестерёнки, часто добиваются успеха. Но вы даже представить себе не можете, какому малому количеству людей приходит это в голову.

Про себя могу сказать, что у меня тоже произошла поломка, но в немного другом смысле. В детстве я был ребёнком с довольно банальной ролью неуверенного юнца с большой тягой к знаниям. В старшей школе так случилось, что круг моего общения слегка поменялся, а точнее попросту появил-

ся, и, соответственно, моё времяпрепровождение тоже изменилось, и далеко не в лучшую сторону. А когда в один момент стало ясно, что всё зашло слишком уж далеко, было уже поздно, в колледж я не попал, и как-то постепенно пришла мысль, что полицейская академия не такой уж и плохой вариант. Благодаря какой-то давно приобретенной разумности у меня стало что-то получаться. Я не знаю, что было бы, если бы я не дал своей жизни возможность пойти под откос. Но в какой-то момент меня проела ржавчина, вирус, если хотите, называемый современным миром. И при всём желании не заразиться им, в попытках спрятаться и оградиться, вирус оказался настолько сильным, что в итоге просто сломал меня. Безвозвратно.

И вот встретились мы, сошлись на жизненном пути, один исправный, но со слегка неправильно настроенным механизмом, и я, испорченный ржавчиной настолько, что предыдущая настройка уже и не распознается. В кино такие дуэты принято называть «хороший-плохой полицейский». Наш бы я назвал «хороший-никакой полицейский». Не хочу объяснять, почему.

Как только мы зашли в бар и я уже был почти возле стойки, мысленно смакуя следующие несколько глотков, тут же раздался пронзительный звонок. По ощущениям он был как громкий будильник после трёхчасового сна. Вздвогнув и поспешно сняв трубку, даже не глянув на его отправителя, я сразу услышал голос шефа, который без лишних формаль-

ностей сказал холодным, безэмоциональным голосом:

– Это снова он.

Глава 4

После услышанного меня как будто ошпарило кипятком. Внешне я остался невозмутим, внутри мой пульс ускорился примерно в тысячу раз. Ощущение было схоже одновременно с сексуальным возбуждением и вестью о смерти близкого человека. Секунд десять побыв в бездвижном состоянии и только после, расслышав какие-то слова шефа, я рванул в машину под удивленный взгляд моего коллеги и, дождавшись его, я поехал по услышанному мной адресу.

Первые минуты я был как в забытьи. Мой мозг работал словно в фоновом режиме, все мысли пробивались как через шум ненастроенного радио. Я думал обо всём и одновременно ни о чём. После слов шефа я сразу же осознал, о чём он, и даже не было смысла что-то отвечать. Думаю, он прекрасно понял моё тогдашнее состояние, посему не обременял меня репликами. Сквозь те же шумы радио я слышал, но не слушал, какие-то слова сидящего рядом со мной человека, я даже в этот момент не осознавал, кто он.

Честно говоря, я даже сам не понимал, чем было вызвано подобное трансовое состояние. А может и понимал, но не мог разобрать. Как вы уже, может, поняли, в последнее время у меня было крайне отчаянное существование, я даже не говорю «жизнь», да и «существование» слишком сильное слово, скорее, я просто был. Вечная апатия мой мозг попр-

сту отключила, и нынешний фоновый режим с шумами воспринимался как большой прогресс. Знаете, я не знал, что я увижу, да и мне было плевать, я знал, что отвратительное детище этого мерзавца могло мне дать шанс всё исправить, начать всё с начала, и я даже не хочу думать, насколько грязно и эгоистично это звучит. Я наслаждался и находил успокоение в этих шумах, которые, кроме как на радио, были похожи еще и на звуки кипения ржавчины от её удаления кислотой.

Вскоре я осознал, что со мной был рядом тот, кого я называю другом, и он, по всей видимости, до сих пор находился в недоумении.

Услышал я его в момент призыва меня по имени.

– Ник! Ник! Какого чёрта!?

– Это снова он. И мне кажется, ты и сам это понял.

– Твою мать.

Тут прогремела тридцатисекундная тишина. Я её не услышал, я купался в своих кислотных шумах. Макс её нарушил.

– Да, понял. Да, черт меня побери, я понял! Но не хотел в это верить. Что этот засранец снова натворил?

– Не знаю. Не хочу испортить удовольствие.

– Удовольствие? Какое, мать твою, удовольствие? Этот псих в очередной раз сделал нечто поистине ужасное, а ты называешь это удовольствием? Может ты такой же, как он? Может ты тоже гребаный псих? И почему-то мне кажется, что на этот раз его эта хрень ничуть не уступает предыдущей!

По-моему, мой напарник был слегка в ярости.

– Успокойся, я не то имел ввиду. Шеф был немногословен, просто назвал адрес и бросил трубку.

– Чёрт! Чёрт! Твою мать!

Все эти выкрики сорокалетнего ребёнка были ни чем иным, как наивным отрицанием ужаса всего худшего, на что способны люди. Мне было даже немного жаль его. Я же был более прагматичен. Я понимал, что это неотъемлемая часть человечества.

Стало ясно, что конструктивного диалога у нас не получится. В этом был виноват не только мой излишне эмоциональный друг. Я же был в предвкушении и не мог думать ни о чем. Не знаю, как вам объяснить, но мне показалось, что у моей жизни снова появился вкус. Точнее не вкус, а даже запах, который вещал о нахождении поблизости чего-то вкусного. Но и этого было достаточно, чтобы довериться чувствам и достичь того самого источника волшебного аромата.

Надо сказать, что подобные ощущения были у меня практически каждый раз. Но в этот раз, что было удивительно даже для меня, всё было куда сильнее. Я понимал это, но старался об этом не размышлять, я хотел думать, что вот он, хороший знак, и боялся спугнуть удачу. Я был в предоргазменном состоянии и в ожидании сладострастного мига, дабы полностью прочувствовать его, я не смел отвлекаться. И не хотел.

Не знаю, в какой момент я стал так относиться к этому. На первых выездах мне было на самом деле страшно, часто

кружилась голова, я пытался быстрее свалить оттуда. Хрен его знает, что потом произошло. Да и что говорить, я тогда был совершенно другим человеком. Юнцом, который желал искоренить зло. Юнцом, который смотрел в будущее с надеждой. Юнцом.

Сейчас реальность стала более реальной и одновременно туманной. Пришло понимание, что все дерьмо этого мира не искоренить, как бы ты ни пытался и как бы у тебя это ни получалось. И появилось куда больше вещей, на которые стало попросту плевать, а вместе с тем стала очевидна бессмысленность всего этого. Потому, дабы просто не убить себя и попытаться найти хоть какой-то смысл в происходящем, надо просто найти себе занятия по интересам. Хобби, если угодно. У меня это – накидаться и преследовать этого креатива. А у вас?

То, что мы едем в правильном направлении, стало известно задолго до прибытия к месту. Чаше были слышны сирены, мчались машины копов и скорых, подтягивались журналисты. При всех попытках начальства сделать всё как можно тише, спустя уже несколько минут это становилось бессмысленно. Когда мы, наконец, подъехали, перед нами предстали десятки машин различных ведомств. Территория была оцеплена за сотню метров, зеваки измерялись сотнями. Макс принялся осматриваться, периодически упоминая имя господина всуе, мне же было всё равно, я видел лишь здание, конечную точку пути, которая, казалось, светилась едва замет-

ным светом. Осознав, что поблизости мне не припарковаться, я бросил машину за метров сто от оцепления и устремился вперёд. Макс медленно вышел, слегка морщась, как бы отрицая и огораживаясь от всего происходящего, и неторопливым шагом отправился за мной. Я же достиг ограждения секунд за двадцать, которые для меня были сравнимы с двумя. Мановением руки показав удостоверение, я наконец попал на ринг.

Ну что, игра начинается. С правой стороны хитроумный маньяк-убийца, который за всё время не оставил ни одной значимой улики! С левой стороны – спившийся детектив, который за последние годы не выделился ничем из кучки таких же бесполезных детективов! На кого бы вы поставили?

Я бы тоже на себя не поставил. Но и чёрт с ним. У меня впервые за несколько месяцев было на самом деле приподнятое настроение, возбуждение мое достигло пика, и потому думать о предыдущих удачах или неудачах в наших с ним сражениях было лишней тратой энергии. Сейчас мы были равны. Ну что ж, поиграем!

У входа в дом меня сразу же заметил Дмитрий. Он сделал шаг ко мне на встречу, и когда я захотел открыть дверь, он выставил руку и попридержал меня. Чёрт побери, только этого не хватало.

– Постой, Ник, не торопись. Подожди минутку.

– Что такое, шеф? Ты сказал, приезжай как можно скорей, а теперь просишь меня подождать?

– Да, прошу. Тело пока никуда не исчезнет. Но я ещё во время нашего разговора по телефону, точнее моего монолога, понял, что ты не совсем нормально отреагировал на всё это дерьмо. Судя по твоим нынешним эмоциям, я не ошибался.

– Какое, к чёрту, не ошибался? Я просто детектив, и я просто, мать её, хочу делать свою работу! Которая, как ты и сам знаешь, обеспечивает мне жизнь, пусть и не совсем достаточно.

Я попытался улыбнуться. Мой мозг работал на пределе, и мне было жаль, что я тратил столько сил на этот разговор своими тупыми шутками.

– Да, вот именно, ты – детектив! И не смей забывать об этом! Твоя задача – это расследовать преступление и найти виновного! Так что прошу, не увлекайся и не забывайся! Прощу, усмири свой пыл и прояви максимум хладнокровия.

Этот разговор начал меня раздражать. Только бы не сорваться.

– Я работаю не первый год на этой грёбанной работе, и мне кажется, учить меня, как то было в самом начале, уже не надо! Я прекрасно знаю, что от меня требуется, и прошу, дай мне наконец уже войти.

Тут подошёл нагнавший нас Макс. Шеф встретил его с некоторой воодушевлённостью:

– Привет, Макс! Прощу, попридержи своего товарища. Он слегка нервный, кажется. И заходите. Будьте готовы к то-

му, что вас ожидает. Оно может слегка взбудоражить. Этот псих будто превзошёл самого себя.

Как только Дмитрий убрал руку, я быстро вошёл в дом. Сквозь шумы в голове я расслышал, как шеф прошептал Максу:

– На самом деле, попридержи. Он точно сам не свой. Присмотри за ним.

Хоть я это и услышал, я никак не отреагировал. Слишком уж много я потратил на предыдущую беседу. Сейчас было необходимо полностью отдалиться делу.

Что ж. Первое, что я ощутил, это запах. Точнее, его отсутствие. Этот хрен каждый раз умело держал свою фишку. Стандартного запаха от трупа не было никогда. Я не знаю, зачем он это делал, либо он не хотел раннего обнаружения, либо довольствовался какими-то своими извращенными понятиями о перфекционизме. Мы склоняемся ко второму, задатки гребаного параноика у него выявляются не только в этом.

Когда я сделал первые шаги в доме, стало ясно, что никакого разбойного нападения или грабежа не было, никаких корыстных целей так называемый «мусорщик» не преследовал. Вообще, если не считать кучки копов, врачей и прочих налоговых нахлебников, трудно вообще подумать, что тут могло произойти что-то ужасное. Всё было изумительно чисто, или хотя бы в своём первоначальном виде, никаких следов взлома, запах стоял как в туалете после тщательного ис-

пользования освежителя воздуха. Пожалуй, пора было переходить к главному.

Сделав три быстрых шага к комнате с наибольшим скоплением людей в специализированной форме, я обратился к первому попавшемуся медэксперту и спросил:

– Сколько уже здесь тело?

Мой собеседник повернулся, посмотрел мне в лицо, сделал, наверное, излишне многозначительный вздох и после выдоха ответил:

– По предварительным данным, около восьми часов.

– Восемь часов? Кто он?

– Мужчина, двадцать семь лет, программист, работает на одну ИТ-компанию в центре.

– Как он был обнаружен?

– Со слов его коллег, сегодня был крайний срок сдачи его проекта, которым он занимался уже полтора месяца. Четыре часа назад он не вышел на работу, на звонки не отвечал, потому к нему выслали человека, который спустя два часа его и обнаружил. Ужасно то, что у него нет ни родственников, ни друзей, кому можно было бы сообщить об этом.

– И вправду ужасно. Благодарю.

Ещё бы. Что может быть лучше, чем узнать, что над близким тебе человеком многозначительно поиздевались и убили.

Я всегда пытался узнать как можно больше деталей дела, прежде чем приступить к самому телу. Мне казалось это

некоторой форой, хоть и небольшой, но дающей мне уверенность в некотором преимуществе. Хоть и иллюзорном.

Когда же я увидел само тело, мои шумы на секунду напомнили громкий крик, даже гул. Но во время той секунду, точнее даже чего-то в тысячу раз её короче, время замедлилось до неприличных норм, стало похоже на нечто отдалённо схожее с желе. Сквозь толщу желатина и красителей тёмно-красного оттенка я увидел то, что после в полицейских кругах назовут «процессором». Откуда они эти названия-то берут? Им бы всем влоп-рок группе играть. Хотя, чего уж там, какая-то логика в этой чертовщине есть. Возможно, так бы мог выглядеть один из ранних прототипов Терминатора. Ох уж это моё чувство юмора.

Всё было идеально чисто. Можно было подумать, что так оно и было создано руками природы. Вся эта хрень, с руками, глазами, с, как позже оказалось, его внутренними органами, выглядела идеальным симбиозом человека и компьютера. Честно, ровно настолько же, насколько меня это ужаснуло, настолько и поразило. Мне очень не хочется подробно расписывать, как это выглядело, да и, как известно, «лучше один раз увидеть...». И в любом случае, через пару часов вы услышали бы об этом со всех телеканалов и радиостанций, и, в чём я уверен, не только нашей страны. Возможно, этот доли секундный крик и был вызван моментальным приливом стольких противоречивых чувств, которые смешались воедино, и мой без того слегка тронувшийся рассудок

не смог это представить иначе, чем так.

По истечении этого мига время и пространственная толща снова пришла в норму, тело в общем плане я уже изучил достаточно, необходимо было двигаться дальше. Шумы начали потихоньку затухать, как будто вобравшие в себя слишком много сил в предыдущее мгновение, давая мне всё яснее разобрать свои мысли. Такое чувство, что я только что принял долгожданную дозу, и боль начинала уходить. Думаю пора начинать ловить кайф.

Обмолвившись парой фраз с некоторыми, так сказать, специалистами, ничего нового и значимого я не узнал. Пока что никаких следов не обнаружено, отпечатков – тем более, свидетелей нет. Но я знал, что в этот раз мне повезёт. Я был уверен в этом! Даже скажу больше, я смаковал этот момент, выжидал, подготавливая себя как к долгожданному подарку. Почему-то я был уверен, что он сам придёт ко мне в руки. Шум в голове исчез, круговорот мыслей пытался зацепиться за каждую деталь в окружении. Я начал ощущать некоторую внутреннюю дрожь. Я закрыл глаза, попытался погрузиться в это помещение в каком-то третьем измерении. Меня прервал голос.

– Как тебе это всё?

Это был Макс. Я открыл глаза. Даже мимолётного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он немного ошарашен.

– Не знаю, пока никаких зацепок нету, но я думаю, нам повезёт.

– Я не об этом. Насколько же он конченный мерзавец. Как можно было сотворить такое? Осталось ли хоть что-нибудь человеческое в этом психе. Да и человек ли он? Срань, Ник, Срань.

Его голос слегка смахивал на инфантильное нытье. Мне было его откровенно жаль, и вместе с тем, мне казалось это необходимым. Человек, который сорок лет верил в людей, в доблесть, храбрость, постепенно начинает терять эти наивные предубеждения. Тут главное, не сломаться. К счастью, я знал средство.

– Успокойся, Макс, да, я знаю, это хрень полная, но ты давно должен был это понять. Мало осталось уже людей, которых на самом деле можно назвать людьми. И мне очень жаль, что ты такой, и одновременно с этим я тебе завидую. Я сломался уже давно, ты же умудрился прожить столько, сохраняя хоть какую-то веру в человечество. Возьми сигарету, выйди на улицу, а затем займись своей работой. А после этого всего мы выедем и немного проветримся.

Хлопать по спине и приободрять я не умею, однако попросить его отвлечься я могу. Макс был прекрасный детектив, с которым мы не прошли уже не мало, и мы настолько сошлись, что могли поочерёдно наставлять друг друга на верный путь. В некоторой степени он не давал мне упасть слишком низко, я же старался не дать ему сломаться и вместе с тем не упорхнуть слишком высоко. В этом я солидарен с древней историей про Икара: чем выше взлетишь,

тем больше падать. Надеюсь, сейчас он ещё не набрал высоту. Мне искренне хотелось, чтобы он сохранял самого себя, только это может помочь не доломаться мне.

Всю беседу с ним я с трудом сдерживал себя, потому, как только он вышел, я сразу принялся за дело. Я был словно под амфетамином, мой мозг работал в ускоренном режиме. Если вы смотрели фильмы про киборгов убийц, вы наверняка помните, как те зрительно искали и захватывали свои цели. Мои глаза сейчас занимались практически тем же, только без сомнительных спецэффектов. Переводя взгляд от одной точки к другой, я пытался зацепиться за что-нибудь, что хоть немного могло привлечь моё внимание.

Безрезультатно. Не было ни лишней капли крови, ни царапины, вообще хоть чего, что могло бы помочь в поиске маляка. Я начинал выходить из себя, пульс заметно ускорился. Осмотрев всю комнату и жертву настолько, что мог бы без труда спроектировать в своём сознании, я решил слегка поменять тактику. Я выцепил одного из руководящих медэкспертов и, с трудом сдерживая некоторое раздражение, выговорил сквозь зубы:

– Эмм, привет.

Я дышал слишком громко и быстро, этого нельзя было не заметить.

– Здравствуй, Ник. С тобой все в порядке?

– Да, да, всё в порядке. Слушай, вы давно здесь? Всё осмотрели? Ничего подозрительного?

– Чуть более часа. Да, всё.

Я перебил его.

– Час? Целый час? Вы же всё испортили! Почему меня сразу не вызвали? Вы всё испачкали своими ручонками, я, как главный детектив этого дела, должен был быть здесь первый! Почему меня сразу не вызвали?

Он оставался хладнокровен.

– Не я решаю, кто и когда здесь будет. Ты точно в норме? Слушай, приятель, выйди на воздух, ты слегка бледноват.

– Неважно. Продолжай.

– Особо ничего. Его подарочки лежат на том столе, всё по стандарту, снимок и мешок с сувенирами. Можешь взглянуть, но зрелище там воистину жуткое. Осмотрели участок, ни следа. Насколько я знаю, свидетелей тоже нет. Всё чисто, как и всегда.

Как и всегда! При этих словах я пришёл в бешенство, но старался этого не показать. Хоть мысли мои были чисты, рассудок затуманился, начало слегка двоиться в глазах. Я понял, что мне просто необходимо успокоиться. Так, дыши ровно. Чёрт, как же там было жарко. Я поспешно выбежал на улицу. На ходу чуть не сбив кого-то, я отошёл на несколько метров и закурил. Я, правда, старался взять себя в руки.

– Слушай, Ник, если тебе и вправду не по себе, ты можешь поехать домой. Я тебя прекрасно понимаю, тут всё не так просто.

Ещё минуту назад я бы мог запросто накинуться на него

за такие слова, но я, кажется, на самом деле начал успокаиваться, к тому же голос шефа звучал слишком дружелюбно и по-отцовски.

– Спасибо, конечно, но я останусь здесь и сделаю то, что должен. Без чего-то большего, кроме как того, что он нам сам умышленно оставил, отсюда я не уеду.

– Ты молодец, и ты замечательный детектив, но тебе порой слишком мешает твоё помешательство. И не отрицай это. Если ты сможешь привести свою голову в порядок, у тебя всё получится.

Именно таких слов мне так и не хватало. От жены подобных любезностей я уже давно не слышал, на работе, кроме как ради упрёков и выговоров, ко мне никто и не обращался. Да и Макс, при всем своём желании помочь мне, будто больше старался воспитывать меня, чем одобрить мои действия. Я почувствовал невероятный прилив благодарности, однако постарался остаться невозмутимым, приподнял голову и посмотрел в глаза Дмитрию.

– У меня всё получится, шеф.

После этих слов я выкинул сигарету и скорым шагом зашёл в дом. Сейчас я не пытался подобно Робокопу выискивать непонятно что. Я ведь не робот, как-никак. Я человек. Со способностью мыслить. Необходимо было не увидеть, а понять. Очевидно, стандартных улик, свойственных новичкам, наподобие отпечатков и других следов, быть не может, так как слишком уж наш клиент опытен в таких делах. Но он

ведь тоже человек, как-никак.

Я не знаю, как так вышло, но всё получилось именно так. И именно в этот, один из самых сложных для меня лично, случаев. Старательно осмотрев всё, дав, наконец, шанс моему мозгу работать на полную мощь, что-то, непонятно почему, привлекло моё внимание. Подойдя к самому телу и осмотрев его уже в который раз за сегодня, попросил снимки, так называемых, подарков. Все эти секунды я был невероятно спокоен, но тем не менее, мне было нелегко ждать даже такие короткие мгновения. Дождавшись и узрев всё необходимое, я быстро привел сюда шефа, который в непонимании быстрым шагом плёлся за мной.

– Сейчас довольно жарко, Дмитрий, не так ли?

– Ну... Да, жарко – это даже слабо сказано.

– И, скорее всего, из-за вашей рубашки с коротким рукавом у вас имеется характерный цветовой переход из-за загара на предплечье?

– Твою мать, Ник, к чему ты клонишь?

Моё спокойствие начинало обрисовываться радужными красками.

– Взгляните туда, на тот столик, возле кровати. Что вы там видите?

– Что за игра в «угадайку»? Зеркало, телефон, часы.

Именно! Часы! Механические наручные мужские часы! И, судя по всему, довольно неплохие наручные часы!

Я не мог сдержать своей радости. Я продолжал.

– Однако взгляните на эти снимки. Вот, возьмите. Видите, руки! Мать их, его руки! Отлично видно, что никакого следа над кистью от отсутствия загара, как тот есть на его предплечье, нет.

Дмитрий заметно поменялся в лице. Он смотрел как остолбеневший на эти снимки. Он еле промолвил:

– Твою мать, Ник, твою, мать её, мать.

Не думал, что он так равнодушен к моей мамочке.

– Гляньте на этот столик. Он весь в пыли. И телефон, которым он пользовался, получается, не то, чтобы часто, и зеркало, всё в грёбанной пыли. Часы – нет.

– Чёрт, чёрт, чёрт.

– По словам соседей, гостей у него не было уже очень давно. Кроме сегодняшнего, неожиданного. Потому, мне кажется, можно сделать один вывод...

– Да ну нахрен.

– Эти часы принадлежат грёбанному мусорщику.

Дмитрий резко оторвал взгляд от снимков и молча смотрел на меня. Все присутствующие тоже не произносили ни слова и переводили взгляд то на меня, то на Дмитрия. Все ждали, что же скажет шеф. Около двадцати секунд, которые длились по ощущениям в разы больше, происходящее безмолвие, что со стороны могло напомнить очень фотореалистичную картину, было прервано слабым голосом шефа, который с каждым его новым словом становился громче и громче.

– Ник, господи, Ник, ты понимаешь, что ты только что сделал, ты понимаешь?

Последующие пару минут мой слух словно отключился, вокруг стоял такой шум, который с лёгкостью мог бы дать фору в громкости моему недавнему гулу в голове. Я же просто не шевелился, ощущая периодически постукивания по плечу и на автомате протягивая руку. Порой шевеля губами так, что внешне могло напомнить слово «спасибо», я думал. Я размышлял. Я не верил, что мне наконец сопутствовал успех. Я знал, что есть шанс, что я оказался не прав, но вместе с тем я был уверен, что только не в этот раз. Я думал о жене. Я хотел как можно скорее ей рассказать об этом. Я так хотел услышать, что она мной гордится. Не знаю, сколько бы я ещё стоял бездвигжно, если бы в какой-то момент да меня не долетел голос Макса.

– Тише, тише! Успокойтесь! Посмотрите, там что-то написано! На часах! Ник, подойди, прочитай!

Выйдя из своего анабиозного состояния, я сделал два быстрых шага. Там на самом деле было что-то написано. Не смея брать их в руки, дабы не испортить возможные следы, я наклонился и прочитал:

«С любовью, для Альфреда»

Глава 5

Так-так, я уже начинаю нервничать. Не то чтобы это отражалось на моём настроении, но некоторый дискомфорт я явно испытываю. Уже прошла добрая половина дня, а о моем деянии ни слова. По телевизорам до сих пор только и говорят что о каких-то футболах, далеких военных конфликтах и о волнении в море. Кому это может быть интересно. Впору уже снять репортаж о моём личном волнении.

А что, если я выбрал слишком уж никому ненужный холст? Что, если о нем вспомнят, когда картина потеряет свою первоначальную красоту? Мне не нужно, чтобы она производила неполное впечатление, даже малость испорченная, она уже не должна быть представлена публике. Наверное, если её не найдут до завтра, надо будет её забрать. Рискованно, но это необходимо сделать. Безумно жаль тогда своих трудов, но думаю, выбора нет.

Мои мысли не давали мне работать. На все телефонные звонки я отвечал односложно в фоновом режиме, на коллег практически не реагировал. У меня даже спросили, всё ли со мной в порядке. Конечно, в порядке, а вы когда-нибудь тратили три месяца на подготовку убийства человека, исполняли всё в наилучшем виде, и вдруг может оказаться, что всё было сделано зря. Спасибо, что спросили, всё просто прекрасно.

Трудно было сидеть на одном месте, время и без того тянулось вечно, надо бы пойти сварить кофе. Я небольшой его любитель, предпочитаю чай, коль спросили, но мне нужно было взбодриться. Подобное случалось уже не первый раз, и каждый раз это ужасное слово «задержка» вызывало у меня некоторое негодование, так сказать. Как только я вернулся к своему рабочему месту, ко мне навстречу подошёл какой-то, по всей видимости, мой коллега и спросил:

– Ты уже слышал?

Скорость перекачивания крови в моем сердце заметно увеличилась.

– Слышал? Что?

– Такие новости! Все только об этом и говорят!

Непринужденный вид.

– Ты о чём?

Ну же, ну же, ну же.

– Жана Ковальского уволили за вчерашнюю пьянку.

Твою мать. Уволили Жана Ковальского. Какие новости! Как же этому не посвятили первую страницу в какой-нибудь газетёнке! Знал бы я ещё, кто этот Жан, грёбанный, Ковальский.

Я постарался сдержать свою откровенную досаду по поводу увольнения Жана Ковальского, поднял глаза на вестника плохих новостей и промолвил:

– Бедняга.

После, как бы намекая, что эта тема мне не то чтобы очень

интересна, обратил свой взор на компьютер.

– Не то слово! По словам начальства, за его выходки ему теперь будет трудно устроиться в приличные места! А как же его беременная жена? Его старший в этом году идёт в колледж! Плюс они ещё не весь кредит выплатили за квартиру!

Видимо, мой коллега не очень понимает намёки. Ах, какая досада. У никому ненужного человека в глобальном смысле, который живёт своей ненужной жизнью и составляет стадо из таких же шести миллиардов никчёмных баранов, живущих в своём маленьком жизненном цикле, где они якобы, по их мнению, в центре вселенной, а на деле после их смерти о них вспомнят только их близкие, такие же пустые люди, что-то там случилось. Примите мои искренние соболезнования.

– Да-да, и вправду ужасно. А теперь извини, мне бы надо поработать.

Более буквального намёка оказалось достаточно.

После я сидел ещё минут тридцать, ежесекундно, вновь и вновь, просматривая обновление новостей в интернете, моё прекрасное настроение постепенно совсем кануло в лету, и потому я был, если вкратце, раздосадован. Надежда быть увиденным, даже скорее, услышанным, и получить заслуженное признание становилась всё меньше и меньше. Хотелось просто выключить этот чёртов компьютер, пойти домой и лечь спать. Надо бы написать жалобу кофейному производителю.

И тут, в очередной раз, неуверенным тычком указательного пальца правой руки нажав на левую кнопку мыши в том её положении, где так называемый курсор находился где-то вверху монитора на уровне занимательного значка с закруглённой стрелкой, я увидел долгожданную для меня новость. В левом нижнем углу красовался внешне непримечательный заголовок «Очередная жертва художника». Я чуть не вскрикнул от радости! Под заголовком красовался некоторый текст.

Сей текст говорил о том, что после некоторых махинаций проникательных полицейских было установлено, что найденный сегодня в частном секторе труп мужчины был лишен жизни ни кем иным, как мной. По их словам, тело было очень сильно изуродовано. Что примечательно, у него нет ни родственников, ни близких друзей, потому похороны будут проведены за счёт компании, где он работал. Важное пояснение. Также ниже была приписка, что новости будут обновляться по мере пополнения информации.

Твою мать. Я был взбешён. Я был в гневе! Естественно, в силу своего выдрессированного хладнокровия, я никак это внешне не проявил, лишь только сжал со всей силы мышь. Скажу вам, даже подобное проявление эмоций для меня было из ряда вон выходящим. Почему? Вы спросите, почему я так резко отреагировал? Вроде, и тело обнаружено, и в новостях сообщили. Чего мне, как грёбанному психопату, ещё надо? Если вы и вправду так подумали, то рекомендую стук-

нуть себя. Не сильно только, мне бы хотелось, чтобы вы выслушали мою историю до конца. После можете делать с собой, что захотите.

Я не грёбанный психопат. Пусть бы в подобном духе сообщили о найденном теле в реке или об автомобильной аварии. Нет. Про мой шедевр, одно из моих лучших творений, они не смогли сообщить ни о чём, кроме как о его излишней никчёмности в этом мире и о итак изначально не самой привлекательной внешности. Знаете, представьте, что под рецензией на самое великое творение Малевича написали бы просто: «Великим русским художником был нарисован параллелепипед. Чёрного цвета. Довольно правильной формы. Кисти были куплены на деньги его жены». Так, надо было успокоиться. Закрыть глаза. Раз, два, три. Вдох-выдох. Открыть глаза. Надо бы продолжить поиск. Хоть этот источник раньше был довольно адекватен, мало ли что могло произойти. Смена редактора, к примеру. Чёрт! Смена редактора! Если подобные слова будут и на других ресурсах, люди того гляди будут меня ассоциировать с каким-нибудь Джеком-Потрошителем.

К сожалению, подобная немногословность была и на других сайтах. Пфф, надо бы проветриться.

Я вообще не курю и дико презираю подчиненных из-за этой бессмысленной траты времени и здоровья, но в подобные моменты мне, что называется, необходимо было знать народное мнение. Обычно мне хватало одной-двух пачек

на год. Выйдя в нашу курилку и неумелым движением прикурив сигарету, я начал создавать видимость зависимого человека. А вы знали, что по одной из теорий, правительство специально сдерживает антитабачные законы, дабы как можно меньше людей доживало до пенсии? Коллеги. Уважаю.

Рядом со мной было два человека. Не густо, но что ж. Новость появилась около часа назад, потому все эти бесполезные планктоны уже обязаны знать о ней. Новостные сайты и социальные сети – единственное, что поддерживает их иллюзию насыщенности и важности жизни здесь. Да и вне этого места тоже.

Один из этих был недавний возмутитель моего спокойствия. Наверное, мы знакомы. Что ж.

– Привет. Извини, что час назад был слегка бесцеремонен. Работы и в правду было завалом. Как там Жан?

Пока он что-то говорил, я думал, как же судьбы других людей могут интересовать больше собственных. Эй, тебе под сорок, а ты только и ищешь способ обмолвиться с кем-либо, что у кого-то будни дерьмовей, чем у тебя. Если, конечно, на вашем молекулярном уровне такое возможно.

Когда он замолчал, стоящий рядом человек, стукнув рукой другого человека каким-то приятельским, по всей видимости, жестом, сказал:

– Кстати, а ты читал, что этот псих снова что-то учудил?

Не люблю столь громких почестей, но вот это уже интересней.

– Да, читал, конечно. Это просто нечто. В новостях самих фотографий нету, но я знаю один скрытый блог, где всё показано в лучшем виде. Этот парень реально конченный псих. Если ему и в правду нечего делать, пусть бы бомжей убивал. Больше толку было бы.

Стоящий рядом мужчина мерзко загоготал.

– Слушай, а покажи мне, где этот блог. Мой брат дико любит такие вещи. Он просто в экстаз придёт.

– Да, без проблем. Ладно, пошли. Надо бы Виктору не попадаться на глаза пока.

Они мне зачем-то протянули руку, которую я зачем-то пожал. Церемониальности общественной жизни, чего уж. Всё, я не хочу больше об этом думать. Средства массовой информации меня прировняли к какой-то ошибке социума, когда я, по сути, его квинтэссенция. И разные стадные личности без своего мнения так и будут думать, ручаюсь. Всё, хватит. Хватит. Наверное, в этот раз я недостаточно проявил себя. Об этом я подумаю после.

Дойдя до своего рабочего стола, я заметил какого-то мужчину, неспешно приближающегося ко мне. Судя по его внешнему виду, он не из местных. Я думал, что он пройдет мимо, однако он остановился возле меня. По его внешнему виду нельзя было сказать, какие он испытывает эмоции, но это было нечто среднее между глубочайшим отчаяньем и огромной радостью. Как-то так же мне представляется человек, которого из пожизненного заключения на сутки вы-

пускают на свободу. Вроде бы уже и сломлен, но тем не менее умение испытывать радость не потерял. Пока я пытался понять его, он повернулся ко мне и сказал что-то почти шёпотом, как будто выдавливая из себя каждое слово:

– Лиза тут?

Я его понял, но почему-то переспросил. Он слегка повысил тон.

– Лиза здесь?

– Да, явно где-то неподалеку.

– Не могли бы вы позвать её?

– А кто её спрашивает?

– Её муж.

Знаете, я не так часто испытываю какие-то яркие эмоции. Но в последнее время с ними явно перебор. Сейчас внутри меня родилось нечто жгучее, почему-то были ассоциации с шипящей змеёй. Это было что-то между гневом, который я, как вы помните, также недавно ощутил впервые, и каким-то странным чувством собственности, которое я испытал один раз, когда моё детище приписали подражателю. Я вспомнил его название, ревность. Так.

– Знаете, она не говорила, что у неё есть муж.

– Насколько я знаю, она вообще редко про меня говорит.

– Извините, но я не сильно осведомлен, где она в данный момент. Знаю только, что она где-то рядом.

– Хорошо, я подожду её здесь.

Как я ни пытался оттянуть момент их встречи, с этим я

ничего поделывать не мог. Змея внутри меня, кобра, по всей видимости, шипела всё громче.

По прошествии трех минут Лиза на мгновение появилась в глубине помещения. Я это заметил. К сожалению, мой недавний собеседник тоже её заметил. Как только он громко окликнул её по имени, взор всех в офисе обратился к нему. И Лизин в том числе. Только в отличие от всеобщего удивления от такого непозволительного поведения в офисе, на её лице мгновенно пропала постоянная чудная улыбка, взгляд стал слегка мрачен. Мне это не понравилось. Тем не менее она быстрым шагом подошла к нему и увела его в сторону. К счастью, на не самое далекое от меня расстояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.